Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Быстрянский

9440 87

ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ БОЛЬШЕВИКОВ

3 КП 131
Б. 95

1958 г.
2205
Инв. № 22373
15249

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◇ 1920

Р. В. Ц.

Первая Госуд. Тип., Гатчинская, 26.

1952 г.

Ч40 — 87
Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1457/61

I.

Партия коммунистов—это единственная в мире партия, которая твердой рукой ведет человечество из «царства необходимости» в «царство свободы», которая железной рукой ломает капитализм и воздвигает на его место царство трудящихся, которая не на словах, а на деле дает последний и решительный бой буржуазии.

Не было более непримиримого, более страшного врага у царизма, как партия большевиков,—с 1905 года она все время шла во главе пролетариата, руководя его натиском на дворянскую монархию!

Эта партия большевиков еще во время первой революции 1905—1907 гг. отстаивала последовательную революционную тактику, борясь до конца про-

*

тив монархии и помещичьего землевладения, отстаивая против кадетов и меньшевиков лозунги республики и конфискации помещичьего землевладения, выдвигая, как средство доведения революции до победоносного конца— союз пролетариата и революционного крестьянства против черной сотни и либеральной буржуазии.

В мрачные годы торжества столыпинской реакции (1908—1910), в эпоху повального ренегатства бывших революционеров, когда меньшевики выдвинули лозунг «наше время—не время широких задач», доказывали утопичность всех надежд на революцию, отстаивали вползание в царскую «легальность», политику «малых дел», отказ от нелегальной организации, по революционному борющейся с царизмом—ряды большевиков не дрогнули,— они остались верны своим «неурезанным лозунгам» и продолжали готовить массы к новой революции, учтя в то же время в своей тактике «новые условия подготовки старого решения ста-

рых решений» (таким эзоповским стилем выражался тогда большевистский журнал «Мысль»).

И когда история оправдала нашу партию, когда с 1910 г. начала нарастать новая революционная волна, перешедшая в 1912—1914 гг. в могучий подъем, большевики оказались в авангарде рабочего класса, беспощадно борясь с контр-революционным меньшевизмом, выступавшим тогда под названием «ликвидаторства», удерживавшим рабочих от революционных выступлений, клеймившим рабочие стачки словом «стачечный азарт», пытавшимся отклонить революционное рабочее движение в русло «реформизма» и «легализма».

И великая историческая катастрофа 1914—1918 гг. не внесла никакого замешательства в железные ряды большевиков.

Если за границей почти повсюду официальные рабочие партии почти целиком стали на сторону «своей» буржуазии, «своего» империализма против

рабочих «чужих» стран,—если в самой России меньшевики и эс-эры призывали массы примириться с вековечным врагом не только русского народа, но и всей европейской цивилизации—царизмом и объединить свои силы в борьбе против германского милитаризма, то наша партия с самого начала выдвинула столь блестяще оправданный всем ходом мирового развития лозунг—превращение войны империалистской в войну гражданскую, она написала на своем знамени «война войне», она призвала массы использовать вызванный войною кризис для ускорения падения царизма!

И массы и во время войны пошли за нами так же, как они шли за большевистским знаменем с 1905 года. Недаром сам Милюков в своей «Истории второй русской революции» меланхолически признает, что «прививались среди русских рабочих именно эти (пораженческие) идеи. «Социал-патриотическое» направление большинства европейского социализма пользовалось

симпатией среди старшего поколения русских эмигрантов,—таких, как Плеханов, Дейч, Бурцев и другие. Но *среди рабочих масс*, а затем и *среди войск*, несравненно, больше успеха имели *сторонники Ленина*» (стр. 22).

Февральская революция 1917 г. осуществила лозунги, отстаивавшиеся большевиками с 1905 г. против всех буржуазных и «тоже социалистических» партий,—царизм пал.

С того дня началась новая эра в деятельности нашей партии; пароль—долой власть царя—сменился лозунгом уничтожения власти капитала. Социалистическая революция, рисовавшаяся раньше «в обманчивом тумане отдаленья», в обстановке мировой войны стала задачей дня.

И в «керенский» период русской революции партия твердой рукой повела за собой пролетариат и армию на штурм твердыни капитала, имея против себя объединенный фронт из всех буржуазных и «социалистических» партий.

Октябрьский переворот явился зрелым плодом деятельности большевиков,—под их руководством русские рабочие даровали социалистической революции первую прочную победу в мировом масштабе.

И с тех пор партия коммунистов стоит на аванпосте международной революции пролетариата, геройски отражая жестокий натиск сонма внутренних и внешних врагов, наводя трепет на мировую буржуазию, привлекая на свою сторону широчайшие массы трудящихся во всех странах света.

К русским большевикам вполне применимы слова «Коммунистического Манифеста» о коммунистах того времени:

«Коммунисты являются на практике самой решительной, стремящейся все дальше, частью рабочих партий всех стран; теоретически они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения».

Рабочий класс смело может положиться на свою партию,—жизнь целиком оправдала ее тактику, все ее предвидения реализовались.

Коммунисты—это то самое «племя бойцов», о котором говорит в своем известном стихотворении Уот Уитмэн:

Племя бойцов-победителей!
Племя земли, готовое к битве, готовое к маршу победному,
(Не легковерное больше, не ждущее, не неподвижное),
Племя, отныне не знающее
Иного закона, как тот, что в самом себе,
Племя борьбы, страсти и бури!

II.

В самую трудную минуту существования Советской республики возглавляющая ее коммунистическая партия обратилась с призывным кличем к рабочим и крестьянам России,—и трудящиеся широкой волной потекли в ее ряды.

В захолустных провинциальных уголках ряды наших организаций удваиваются и утраиваются в результате партийной недели.

В ту самую минуту, когда над головой республики был занесен меч царских генералов,—рабочие и крестьяне дают все новые, все более поразительные доказательства своей преданности идеям великой революции.

Провинциальная пресса пестрит сообщениями о превышающем все ожи-

дания успехе партийной недели во всей стране.

Так, в Туле, где партийная организация насчитывала всего 1.500 членов, за первые два дня партийной недели записалось в партию $2^1/_2$ тысячи рабочих.

Для контр-революционной буржуазии неразрешимой загадкой является такая тесная связь между рабочим классом и его партией,—связь, которая с особенной силой проявляется в минуты грозного кризиса.

«Большевики насильно заставили рабочих вступить в коммунистическую партию»—гласит одно из сообщений гельсингфорсской белогвардейской «Русской Жизни».

Так объясняют себе враги колоссальный успех по всей России партийной недели.

Наиболее тяжелые удары врага падают на коммунистов, этот авангард трудящейся массы.

К тому, чтобы вырезали всех коммунистов в Москве, готовилась раскры-

тая там в сентябре организация «национального центра».

Поголовным истреблением коммунистов грозил царицынский «Призыв».

«Горе коммунистам!»—писал в своем воззвании от 20 октября неудачливый генерал Юденич.

И угрозы врага не остаются пустыми словами: попавшие в его руки коммунисты беспощадно предаются смерти после неслыханных мучений.

Но «бессмысленными мечтаниями» остаются надежды белой контр-революции победить коммунистическую идею путем физического истребления ее носителей.

Наоборот, чем сильнее свирепствует против борцов за обновление человечества белая реакция, тем сильнее растут силы коммунизма, тем более крепкими становятся узы, связывающие трудящуюся массу с ее авангардом.

В русском былевом эпосе имеется прекрасная былина о том, «как перевелись богатыри на святой Руси».

Богатыри ведут борьбу с «супротивниками», они «разрубают пополам их со всего плеча».

Стало вдвое более—и живы все.
Бросились на силу все богатыри,
Стали силушку колоть-рубить,
А та сила все растет-растет,
На богатырей боем идет.
Да не столько рубят их богатыри,
Сколько топчут кони добрые—
А та сила все растет-растет,
На богатырей боем идет.
Бились три дня и три часа.
Намахалися их плечи молодецкие,
Уходилися их кони добрые,
Притупились их мечи булатные,
А та сила все растет-растет,
На богатырей боем идет.

Так и рати коммунизма, под ударами врага «все растут, да растут, все... с боем идут» на силы старого мира... Вместо одного, выбывшего из строя борца за коммунизм, рабочий класс выставляет их десятки новых,— и об их стойкость притупляются мечи отечественной контр-революции.

III.

В Европе, в средние века, в эпоху так называемого феодализма возник своеобразный институт—рыцарство.

Это была своеобразная ассоциация, которая пыталась внести идеальный элемент в феодальное общество, основанное на порабощении крестьян воинам-помещикам.

Рыцарь—это был воин-помещик и вдобавок христианин. Не каждый сеньор-феодал был рыцарем, не всегда и рыцарь принадлежал к благородному сословию. Рыцарство было не учреждением, а скорее идеалом для всего военного сословия средних веков.

Оно выработало своеобразную этику,—своего рода феодальную религию чести, одушевлявшую рыцарей не менее, чем христианская вера,—религию чести.

Ярче всего запечатлелись образы рыцарей в эпической поэзии средневековья, в знаменитой «Песне о Роланде» и других рыцарских поэмах XI—XIII веков.

Рыцарскими доблестями считались мужество, щедрость, чувство чести; о рыцарских заповедях дают представление следующие наставления, полученные в 1330 г. Гильомом, графом д'Остреван от епископа города Камбре.

«Если нужно, то умереть за веру; покровительствовать вдовам и сиротам; не начинать войны без причины; не поддерживать несправедливого дела, но защищать невинно-угнетенных; во всех делах соблюдать смирение; охранять имущество своих подданных; не предпринимать ничего враждебного против своего сеньора».

Так общечеловеческий элемент здесь заслоняется феодально-католическими мотивами, отражающими эпоху,—преданность сеньору—крупному землевладельцу—и вере стоит на первом плане.

Со времени средневековья слово рыцарь осталось как синоним доблести, честности, верности своему слову.

Но эти свойства феодалы кодексом рыцарской чести обязаны были проявлять только по отношению к членам своего сословия; по отношению к низшей братии и закрепощенным крестьянам было позволено все.

Но рыцарские добродетели, и в классическую эпоху феодализма встречавшиеся более в литературе, чем в жизни, оказались совершенно не ко двору, когда восторжествовала буржуазия.

По словам «Коммунистического Манифеста», «она (буржуазия) разрушала... идиллические отношения, в ледяной воде эгоистического расчета утопила она... рыцарское воодушевление», «рыцарям без страха и без упрека» не оказалось места в новом обществе, те качества, которые рыцарь обязан был проявлять к членам своего сословия, оказались необязательными для буржуа в их взаимных отношениях.

Но вот в XX столетии создается своего рода рыцарский орден совре-

менности, каковым является партия коммунистов.

Рыцари средневековья рекрутировались из сословия дворян-землевладельцев; рыцари современности, коммунисты, выходят из среды людей труда, пролетариев; не все феодалы вступали в рыцарский орден, не все пролетарии входят в партию коммунистов, а только передовые представители революционного класса.

«Защита невинно-угнетенных», бывшая девизом средневековых рыцарей, впервые становится знаменем великого класса, но на этот раз рыцари труда несут освобождение не обиженным «вдовам и сиротам» из господствующего класса, только им и «покровительствовали» средневековые рыцари, а всему трудящемуся человечеству, угнетенному капиталом.

Средневековые рыцари хранили верность своему сеньору, вассалами (подданными) которого они были,—коммунисты, рыцари революции, верны до гроба делу освобождения пролетариата.

Рыцари средневековья умирали за католическую веру в борьбе против «неверных», против сарацин,—рыцари современности погибают за дело торжества царства труда в борьбе против белых, против угнетателей трудящихся.

Рыцари средневековья жили в ожидании царства Божья на небе, рыцари коммунизма хотят, по словам Гейне, «уже здесь на земле устроить небесное царство».

В средневековых поэмах рыцари переносят всевозможные пытки, но отказываются отречься от своей веры,—современные коммунисты в плену у белых стойко переносят истязания, но славят коммунизм.

Средневековое рыцарство имело свои заповеди, нарушение которых каралось исключением из сословия; свои заповеди имеет и современный коммунизм.

Но средневековые феодалы и современные пролетарии это—величины несоизмеримые, ибо что может быть общего у класса, живущего эксплоата-

цией трудящихся, с передовым классом эксплоатируемых, непримиримым врагом всякого угнетения и всякой эксплоатации?

И постольку рыцарский орден современности налагает на своих членов обязательства, неизмеримо более серьезные, чем рыцарство средневековья.

Всякий член коммунистической партии должен смотреть как на высшую свою честь на принадлежность к ней,— он должен помнить, что по французской поговорке «noblesse oblige» (благородство обязывает).

Коммунисты это—«хранители огня на алтаре, вверху стоящие, что город на горе, чтобы всем виден был» (Майков). И то, что простительно для рядового рабочего, то недопустимо для коммуниста.

Коммунистическая партия строго взыскивает со своих членов за всякое нарушение ее заповедей.

Пусть же всякий коммунист будет достоин своего высокого звания, члена великого рыцарского ордена современ-

ности: да будет он подлинным «рыцарем без страха и упрека» (как называли французского Баярда)—«Баярдом великой социальной революции».

IV.

М. С. Урицкий

(К годовщине его смерти).

> Да, каждый дух, которого от тела освободило оружие тирана, здесь будет, от земли он не уйдет, он будет проходить по ней незримо, шептать, предупреждать и торопить. Свобода, пусть отчаются другие, я никогда в тебе не усомнюсь.
>
> (Уот Уитмен. «Побеги травы»).

29 августа 1918 г. пуля правого эс-эра Каннегисера сразила одного из наиболее самоотверженных борцов рабочей революции в России — Моисея Соломоновича Урицкого.

Правые эс-эры вместе с меньшевиками являлись лишь авангардом контр-

революционной армии, главные силы которой составляли монархисты.

Мелко-буржуазный авангард реакционной рати взял на себя задачу организации белого террора—истребления вождей рабоче-крестьянской революции.

Наши бывшие союзники, державшие в своих руках все нити русской контрреволюции, благословили своих слуг на это подлое дело.

21 июня был убит из-за угла блестящий трибун Володарский, через два месяца с небольшим преступная рука правого эс-эра поразила на смерть Урицкого, на другой день, 30 августа, эс-эрка Каплан стреляла в вождя мировой революции—тов. Ленина.

Не случайно «социалисты» и «революционеры» подымали руку на вождей пролетариата,—и в великой французской революции жирондистка Шарлотта Корде предательским выстрелом убила великого защитника плебеев, образ которого тщетно пыталась исказить буржуазная историография, — Жана-Поля Марата. Корде объясняла свой

поступок тем, что «при известных условиях все средства хороши».

Контр-революция знала, на кого она подымала руку в лице Урицкого,—она поразила одного из старейших работников нашей партии, выполнявшего в ходе революции самую ответственную работу.

Долгое время тов. Урицкий был меньшевиком, но когда вспыхнула война и социалистический оппортунизм выявил свой подлинный лик, поступив на службу к империализму, тов. Урицкий сделал свой выбор, он оказался в рядах интернационалистов... С началом русской революции в 1917 г. тов. Урицкий, не в пример меньшевикам-«интернационалистам», все время пытавшимся усесться между двух стульев, чтобы, наконец, после октября очутиться в рядах сторонников Каледина, примкнул к партии большевиков и беззаветно боролся за полное торжество пролетарской диктатуры.

Избранный июльским съездом партии в ее центральный комитет, тов. Урицкий

явился одним из главных деятелей октябрьского переворота: он был душой военно-революционного комитета в Петербурге, на долю которого выпала организация октябрьского восстания.

Когда нужно было ликвидировать учредилку — эту последнюю цитадель контр-революции, — партия поручила это дело Урицкому, и он блестяще справился со своей задачей.

Наконец, после Брестского мира, Урицкий становится во главе Петербургской чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией.

Велика роль этих органов в революционной России, недаром они являются объектом бешеной ненависти буржуазии.

Если Красная армия отражает напор контр-революции извне, то чрезвычайные комиссии борются с ее пособниками внутри страны, обезвреживают тех, кто хочет взорвать рабоче-крестьянскую власть извнутри.

«Чрезвычайки» спасают Советскую власть от непрерывающихся заговоров и покушений буржуазии, сюда, наряду

с Красной армией, партия направляет лучших своих работников. Поэтому-то руководство чрезвычайной комиссией в Петербурге и было поручено тов. Урицкому.

И на этом славном посту — посту защитника рабоче-крестьянской революции—и пал тов. Урицкий.

В первом столетии после Рождества Христова знаменитый греческий писатель Плутарх из Херонеи составил свои «жизнеописания знаменитых людей» (bioi paralleloi), в которых он дал биографии известных своей доблестью государственных мужей древней Эллады и древнего Рима.

Целые поколения воспитывались на этих биографиях и почерпали из них уроки для жизни и деятельности — и великие буржуазные революционеры во Франции в конце XVIII века и наши декабристы в первой четверти XIX века.

Со временем новый Плутарх приступит к составлению жизнеописаний героев коммунизма,—тех, кто своей борьбой проложил путь царству свободного труда

Жизнь борцов за коммунизм будет примером для грядущих, более счастливых поколений, выросших при коммунизме.

И в этом пантеоне пионеров «царства свободы» одно из первых мест займет тов. Урицкий.

Вся его жизнь была посвящена революции,—к нему применимы слова поэта: «он знал одной лишь думы власть,—одну, но пламенную страсть».

Нерукотворный памятник в сердцах новых поколений, которые возрастут в преображенном мире, воздвигают себе апостолы коммунизма своей героической жизнью, своей славной смертью.

«Не зарастет народная тропа» и к памяти тов. Урицкого.

Как писал казненный Николаем I декабрист Рылеев:

«Но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!»

V.

Только что изданная Коммунистическим Интернационалом брошюра содержит в себе историю обращения Савла в Павла. Рене Маршан, французский консервативный журналист, казалось бы, наш прирожденный враг по своему происхождению, по всем своим связям, по своему прошлому—пришел к нам. Свидетель героической истории пролетарской борьбы в России, он, по своему положению, мог ознакомиться со всей подоплекой политики Антанты в России; он увидал, каким отравленным оружием она с нами боролась, и он понял тогда, что Советская власть в России защищает великое дело — дело всего человечества. Брошюра Маршана показывает, как логика событий даже буржуазного патриота приводит

к пониманию неизбежности торжества коммунизма.

Книга Маршана, это—любопытнейший «человеческий документ». В ней автор раскрывает перед нами шаг за шагом тот психологический процесс, который привел его в лагерь коммунизма. Печать глубокой искренности лежит на всей книге. Маршан не скрывает того, что он верил самой грязной, самой злобной клевете на большевиков.

Еще осенью прошлого года в газетах появилось схваченное в Москве при обыске письмо Маршана к президенту Французской республики Пуанкарэ, в котором он говорит о глубокой силе и жизненности советского движения в России. Теперь он уже стал коммунистом.

Книга Маршана крайне интересна в том отношении, что проливает яркий свет на движущую пружину политики союзных империалистов по отношению к России. Все те низкие и подлые средства, которые пускали в ход Бьюкенэны, Ньюлансы, для того,

чтобы задушить свободу русского народа, раскрыли глаза Маршану на природу империализма союзников.

Маршан прослеживает политику союзных посольств в России с первых же дней февральской революции. Он говорит об их полном непонимании природы революционного движения, направленного против войны, об их непреклонном желании использовать революционную силу русского народа, как силу, в империалистской войне.

Маршан вспоминает о том, как еще в середине 1917 года буржуазные газеты, требуя «сильного правительства», ставили во главу угла, как председателя совета министров, имя адмирала Колчака.

Автор в это время слепо верил в басни о том, что большевики—германские агенты, и считал, что все их дело, все большевистское движение, заслуживает только внимания полиции и контр-разведки.

Октябрьский переворот в буквальном смысле слова «поразил» Маршана,

у которого не было никакого сомнения, что большевики, это — оплачиваемые Германией агенты, и что октябрьский переворот—это есть проделка немцев.

Маршан рассказывает о том, как русская буржуазия в тревожном беспокойстве ожидала того удара, который немцы должны были нанести России; о той радости, которую торжественно, почти с полным единодушием, выставляла напоказ русская буржуазия при известиях о продвижении немцев к Петербургу или в направлении к Москве.

Было время, когда Маршан возлагал свои надежды на православную церковь, в которой он видел силу, способную «возродить Россию». Он говорит о кадетской буржуазии, которая «из мелочных интересов разыгрывала комедию веры».

Маршан рассказывает о том, как вскоре после прибытия в Москву нового французского генерального консула Гренара была получена теле-

грамма от Пишона, в которой французский министр иностранных дел предлагал начать анкету касательно отношения различных политических партий к возможности вмешательства японской армии, с целью отражения германского вторжения в Россию.

Маршан говорит о непримиримой ненависти Ньюланса к «большевикам». В свое время Ньюланс высказывал глубочайшее презрение ко всей России. Оно чувствовалось во все более и более повелительном тоне употребляемых им формул. «Скажите раз навсегда нашим друзьям,—повторял он,—что мы никогда не допустим новых социалистических экспериментов в России». (Дело шло о возможности образования правительства, с участием правых социалистов-революционеров). Тут сказывалась ужасающая с точки зрения морали концепция: «Мы платим, значит мы и распоряжаемся».

«Сколько раз я слышал,—говорит Маршан,—как она была формулирована почти с той же резкостью, как это было

однажды по случаю визита польской делегации во время пребывания нашего посланника в Москве. Вот что называлось уметь разговаривать с русскими. На последних глядели в действительности, как на грубое и варварское стадо, с которым было позволено поступать согласно своему желанию».

К наиболее интересным местам брошюры Маршана принадлежат те ее страницы, в которых он раскрывает поистине провокаторскую роль самого французского посла в России Ньюланса. «С первого же дня,—говорит он,—Ньюланс говорил нам об интервенции против большевиков, как о деле решенном, между тем как в действительности, вплоть до последней минуты, дело обстояло вовсе не так, и, как я мог в дальнейшем убедиться, только впоследствии, после самых решительных настояний нашего посланника, сделавшего из интервенции личный вопрос, и вследствие повторных и решительных шагов, предпринятых у

президента Вильсона, интервенция была робко начата, слишком робко, с точки зрения борьбы против немцев, и в таких размерах, которые не имели решительно ничего общего с тем, которые формально обещал Ньюланс».

«И как раз потому, что интервенция, о которой Ньюланс не переставал говорить, как о деле формально решенном правительствами Согласия, в действительности наталкивалась на самое серьезное возражение, наш посланник, стремясь преодолеть сопротивление, которое он встретил, сопротивление, оскорблявшее его самолюбие,—с целью придать больше силы своим аргументам, решил показать фактами, что он полностью подготовил почву и что достаточно самого малого усилия, чтобы низвергнуть большевистскую тиранию и добиться установления русского национального правительства. И таким путем он дошел, как известно, до того, что провоцировал столь кровавое и бесплодное восстание, как восстание белогвардейца Савинкова в Ярославле,

единственным итогом чего было несколько тысяч убитых русских, дело очевидно безразличное, и разрушение художественных богатств, решительно безо всякого мотива. Восстание в Ярославле было поднято только по формальному требованию Ньюланса и в виду обещанной им высадки союзных войск».

Так как Ньюланс с первых же дней говорил о союзной интервенции, как о деле окончательно решенном, то его разговоры с различными политическими группами, «дружественными» союзникам, состояли из торжественных, но голословных заверений в неизбежности вооруженного выступления против немцев и против «большевиков» и в непрестанном возобновлении назначенных для этого сроков. «Со своей стороны,— продолжает Маршан, — политические группы, остававшиеся нашими друзьями, давая нам самые горячие заверения в дружбе и привязанности, интересовались исключительно нашей интервенцией постольку, поскольку она могла

опрокинуть большевиков, но вовсе не думали о возобновлении борьбы против немцев. С другой стороны, видя, что мы их обманываем по крайней мере в том, что имеет отношение к близости нашего вмешательства, они уже, в конце-концов, вполне справедливо поставили под сомнение и самое это вмешательство и вели параллельно разговоры с графом Мирбахом, предлагая ему свои услуги, если бы последний согласился освободить их от большевиков, «ведь ему для этого достаточно одного жеста». В такой-то комедии, в которой обе стороны не проявляли никаких признаков достоинства и искренности, прошли те несколько месяцев «дипломатической работы» представителей Антанты, которые протекли вплоть до высадки союзных войск в Архангельске.

Маршан признается, что он был одним из самых горячих партизанов вмешательства и против немцев и «против большевиков». Маршан настаивал даже на необходимости спешно произвести интервенцию из-за опасения, что

немецкие дипломаты предупредят нас в деле восстановления «устойчивого государственного порядка» в России.

А сам Ньюланс передавал по секрету нашим «друзьям справа», что по личному мнению Клемансо к России больше всего подходит монархическая форма правления.

Маршан признает, что первую тень сомнения зародило в нем ярославское восстание, начатое по личной инициативе французского посла. Для Маршана стало ясно, что интервенция должна была свестись к оккупации известных частей русской территории, что не могло быть никоим образом оправдано ни с точки зрения внутренней политики, ни с точки зрения войны против германского империализма. Подобная интервенция представлялась гораздо более опасной для самой России, чем для Германии или для большевиков.

Новый удар иллюзиям Маршана нанесло чехо-словацкое восстание, которое, по его словам, было провоцировано опять-таки Ньюлансом, с целью вы-

звать во что бы то ни стало интервенцию, которая в действительности все еще не была решена. Ньюланс решил удержать на русской территории контингенты, которых как раз в этот момент французское командование настоятельно требовало для нужд французского фронта. Требование, которое наша дипломатия без всякого стеснения называла простым недоразумением.

Перед Маршаном стал вопрос: «Почему мы, вместо того, чтобы официально порвать с большевиками, если это действительно германские агенты, продолжали лицемерно бороться с ними недостойными средствами и под чужим флагом (белогвардейцы Ярославля, искусственно поднятые чехо-словаки), продолжая тем самым придавать им даже в глазах наших русских друзей все моральные преимущества, вытекающие из сношений и разговоров с нами».

Глубоким разочарованием для Маршана была и двуличная политика русских буржуазных партий, тяжелым

ударом явилось для него известие о посещении графа Мирбаха наиболее видными представителями торгово-промышленной партии с Третьяковым во главе. И этого визита нельзя было извинить даже тем, что его желал сам посол Вильгельма. Этот визит произошел по инициативе самих русских буржуа, обратившихся к графу Мирбаху с мольбой о занятии Москвы, после чего последний мог бы рассчитывать на содействие торгово-промышленной группы с целью образования преданного Берлину правительства. И после того, как это предложение встретило отказ со стороны германского посла, как не отвечающее интересам его страны, ибо пришедшие к нему представители «порядка и труда», которым, впрочем, принадлежали все его симпатии, не располагали в России достаточным количеством русских штыков,—цвет русской промышленности и торговли вернулся продолжать свои разговоры с нами, как будто бы решительно ничего не случилось. Это

был цинизм Милюкова, который вовсе не был, как в этом хотели тогда уверить некоторые из его друзей, его личной ошибкой, вполне понятной и заслуживающей извинения минутой заблуждения, но строго обдуманным и взвешенным политическим актом.

Маршан противопоставляет систематической кампании лжи со стороны союзников, распространявших вымышленные известия об успехах своих войск, кампании, имевшей целью придать храбрости нашим русским друзьям,—«достоинство, выказанное в минуту опасности большевистской прессой. Ни на одну минуту Советское правительство не стремилось скрыть крайнюю тяжесть положения; наоборот, оно подчеркнуло необходимость отчаянного усилия пролетарских масс, их немедленного вступления в ряды Красной армии; ни на одну минуту не подумало оно о том, чтобы, следуя методам, излюбленным в таких случаях буржуазными правительствами, придать своим бодрости, посредством хотя

бы легкого искажения истины сообщениями о какой-либо мнимой победе. Наоборот, никогда его информация не была более точной».

К наиболее интересным местам брошюры принадлежат те ее страницы, в которых Маршан рассказывает о планах союзных представителей в России свалить Советскую власть путем взрыва железнодорожного моста перед станцией Званка, с целью отрезать Петербург от всякого сообщения с Востоком и, таким образом, заморить его голодом, об их переговорах с предателями из среды железнодорожников, в видах подготовки крушения воинских поездов. Маршан прибавляет: «Фактически мы не только не находились в состоянии войны с большевиками, но наши представители предприняли на подвластной им (большевикам) территории ряд враждебных действий, которых нельзя было прикрыть никакой дипломатической, а тем более консульской неприкосновенностью, и на которые не могло взи-

рать равнодушно никакое правительство».

Решающим для Маршана явился тот факт, что Советская власть после высадки союзных войск в Архангельске и на Мурмане и перед лицом чехо-словацкой опасности не только не обращалась за помощью к германскому империализму, но дала мужественный отпор домогательству германского посольства, после убийства графа Мирбаха, о введении в Москву немецкого батальона для его охраны.

И после этого у Маршана раскрылись глаза на великую культурную работу, которую начало рабоче-крестьянское правительство в эпоху самой глубокой революционной бури, какая когда-либо потрясала человечество, несмотря на угрозы рабочей власти со всех сторон.

Германская революция разбила последние иллюзии Маршана. «Эта революция,—говорит он,—произвела на мой ум потрясающее впечатление и сразу же открыла передо мной невиданные

еще горизонты». Союзный империализм, освобожденный от своего соперника, поверженного революцией во прах,—германского империализма, выказал во всей наготе свои аппетиты».

Не щадит Р. Маршан ту буржуазную прессу, одним из сотрудников которой он был раньше. Он пишет: «Когда являешься свидетелем русских событий, когда их наблюдаешь изо дня в день, чтение иностранных газет, именно французских газет, становится особенно невыносимым. Невозможно представить себе сплетение более отъявленной лжи, более вопиющего обмана, более систематического и лицемерного извращения фактов. Без сомнения, истина скажется однажды, и чем больше она загрязнялась, тем более ослепительным будет ее неизбежный реванш, но чтение лживых сведений, распространяемых французской прессой о современной России, не перестает от этого быть глубоко поучительным. Они являются живой иллюстрацией той страшной власти, кото-

рая сосредоточена в руках капиталистических государств и больших финансовых синдикатов и которою они пользуются, чтобы «делать» общественное мнение согласно нуждам их комбинаций. Никогда работа прессы не была более цинично преступной, но никогда в то же время она не взвалила на себя столь тяжкой ответственности перед народными массами. И без всякого сомнения, если мы хотим освободиться от прошлого, которое стоило нам и стоит столько страданий,—в первую голову мы должны покончить с лживой прессой, оплачиваемой капиталом. Необходимо уничтожить раз навсегда этот ужасный яд, отравляющий идеи, совесть и душу. Пресса с ее чудовищным современным механизмом в усовершенствованных типографиях должна быть реквизирована народом для его воспитания, а не для его порабощения».

Маршан уверен в универсальном характере советской формулы, этого величественного, этого грандиозного

творения русской пролетарской революции. Советская система правительства есть правительство в руках народа, т.-е. рабочих и крестьянских масс, солдат, матросов, всех тех, которые до сегодняшнего дня питали своим трудом, своими лишениями, своей кровью правящих капиталистов, которые бросали им только принципы и благородные идеи в целях их обмана и запрета когда-либо думать о практической реализации как этих принципов, так и идей. Эта единственная формула, которая может обеспечить измученной, изувеченной, окровавленной Европе мир, согласие, справедливость, право и устройство новой жизни на место той, которая в настоящее время гибнет в самом страшном из кошмаров, самой отчаянной драме, которую только знала история. Настоящий момент,—необходимо сказать это себе раз навсегда,—является решающим в жизни человечества.

Маршан понимает, что в настоящий момент может идти выбор только

между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. «Последняя зовет нас к неумолимой жестокой борьбе, к лишениям, которые временно, может быть, тяжело переносить, но она обещает нам будущее. Она даст нам возможность в пламени пожара, среди страданий и слез, покончить раз навсегда с остатком ненавистного прошлого».

Буржуазный публицист, разделявший все предрассудки своего класса, не обладавший теоретической марксистской подготовкой, логикой событий приведен к признанию «формулы социальной революции». Может ли быть сомнение, что под ее знамя не станут и широкие народные массы Европы?

Около шестидесяти лет тому назад в своей речи «Принципы труда в современном обществе» основатель германской рабочей партии Фердинанд Лассаль сравнивал победу социализма с восходом солнца. Он спрашивал своих слушателей:

«Смотрели ли вы когда-нибудь, господа, с высокой горы на восход солнца?

Багряная полоса кровавых цветов окрашивает край небосклона, возвещая новый день; туманы и облака поднимаются, сгущаются и бросаются навстречу заре, на мгновение скрывая ее лучи; но нет той силы на земле, которая могла бы остановить немедленное и величественное восхождение солнца, и, час спустя, оно стоит на небе, на виду у всех, ярко сияя и согревая.

Что час—в естественном зрелище суточных небесных перемен, то одно или два десятилетия—в неизмеримо величественнейшем зрелище всемирно-исторического восхода солнца».

Это солнце, солнце социализма, восходит на наших глазах, и его ослепительные лучи пробуждают к новой жизни всех, в ком еще только сохранилась искра совести!

Цена 20 руб.

Указанная на книге цена никем не может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГ ✻ 1920